

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2019, №4, Том 11 / 2019, No 4, Vol 11 <https://esj.today/issue-4-2019.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/40ECVN419.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Капканщиков С.Г., Грачева Ю.А. Экономика предложения против встроенной стабильности российской экономики // Вестник Евразийской науки, 2019 №4, <https://esj.today/PDF/40ECVN419.pdf> (доступ свободный).
Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Kapkanshchikov S.G., Gracheva Yu.A. (2019). Supply economics versus built-in stabilizers of the Russian economy. *The Eurasian Scientific Journal*, [online] 4(11). Available at: <https://esj.today/PDF/40ECVN419.pdf> (in Russian)

УДК 336.7 (075.8)

ГРНТИ 06.73

Капканщиков Сергей Геннадьевич

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», Ульяновск, Россия
Зав. кафедрой «Экономической теории»
Доктор экономических наук, профессор
E-mail: kapkansv@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9459-5516>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=691166

Грачева Юлия Александровна

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», Ульяновск, Россия
Студент юридического факультета «Таможенного отделения»
ООО ТК «Руста-Брокер»
Филиал в г. Ульяновске, Ульяновск, Россия
Служба таможенного оформления
E-mail: u_a_gracheva@ulsu.ru
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1030470

Экономика предложения против встроенной стабильности российской экономики

Аннотация. Исследование было проведено в связи с необходимостью вывода экономики России из состояния затянувшейся стагнации, в котором она находится, по сути, в течение уже целого десятилетия. Статья посвящена обоснованию нецелесообразности перехода от кейнсианской экономики спроса к неоклассической экономике предложения в рамках налогового регулирования современной российской экономики, который отстаивается сегодня официальными властями. В этой связи ее авторами доказывается ошибочность правительственного курса на решительное освобождение от высоких ставок подоходного налога наиболее состоятельных россиян, реализованного в Налоговом кодексе РФ. Аргументируется этот тезис важностью стимулирования в обстановке хозяйственной рецессии не сбережений домохозяйств, а, напротив, их потребления. Авторами выявлено, что свершившийся в начале 2000-х годов переход от прогрессивной шкалы личного подоходного налога к шкале пропорциональной не только привел к избыточной поимущественной дифференциации населения, но и вывел из арсенала средств государственного регулирования один из наиболее мощных встроенных стабилизаторов отечественной экономики. Проведен критический сравнительный анализ предложений различных политических партий относительно возвращения в налоговую систему России прогрессивной шкалы НДФЛ и обоснован авторский подход к выбору среди них наилучшего варианта с использованием теории эластичности налогообложения. Завершается статья доказательством необходимости

радикальной смены самого направления налогового регулирования российской экономики от «рейганомии» с ее использованием малоприменимого к современной России эффекта Лаффера на альтернативный некейнсианский курс с задействованием теории встроенной стабильности в русле автоматической фискальной политики.

Ключевые слова: экономика спроса; экономика предложения; кейнсианская и неоклассическая модели налоговой политики; налоговая ставка; пропорциональная и прогрессивная шкала налогообложения; справедливость налогообложения; концепция платежеспособности; встроенные стабилизаторы; налоговая эластичность; эффект Лаффера

Одним из ведущих способов преодоления стагнации российской экономики, обозначившейся в последнее десятилетие, является провозглашенная в свое время А. Кудриным, В. Мау, А. Улюкаевым (а затем и вошедшая в «Стратегию-2020») необходимость ее перехода от экономики, ориентированной на спрос, к экономике, ориентированной на предложение. Свидетельствуя о решительном отказе властей от кейнсианской концепции, связывающей антикризисные мероприятия с наращиванием покупательной способности россиян, подобная декларация на деле означала еще большее усиление неоклассического курса экономической политики. Выход отечественной экономики из автономной рецессии путем всемерного стимулирования совокупного предложения со стороны частных фирм связывается при этом с проведением реформы, делающей пенсионную систему адекватной демографической и финансовой ситуации, сложившейся в стране, решительной приватизацией государственной собственности, дальнейшим открытием экономики внешнему миру для стимулирования внутренней конкуренции, возвратом к практике накопления фондов финансовых резервов за счет искусственно создаваемого бюджетного профицита, а также со снижением бюджетной нагрузки на экономику, т. е. относительной величины государственных расходов и налогов.

Сторонники пролиберальной идеологии убеждены в том, что начальный импульс к возобновлению экономического роста должны задавать не потребительские расходы, а сбережения домохозяйств, трансформируемые через механизм гибкой процентной ставки в инвестиции компаний. Поэтому активно задействуется главный аргумент неоклассической теории предложения: понижение подоходного налога гарантирует наивысший результат в случае, когда оно коснется наиболее обеспеченной части населения, которая характеризуется высокой нормой сбережений, и, соответственно, будет сопровождаться переложением налогового бремени на плечи наименее обеспеченных граждан [1].

Между тем нетрудно заметить, что и в предшествующей политике российского государства нелегко обнаружить отчетливые признаки использования кейнсианской теории экономики спроса. Однозначный акцент на сдерживание монетарных факторов инфляции путем более или менее рестриктивной финансово-кредитной политики был так или иначе присущ всем кабинетам министров, за исключением, пожалуй, лишь краткого, восьмимесячного периода премьерства Е.М. Примакова. Одним из ярких проявлений этого антипроизводственного курса на рубеже XX–XXI вв. явился отказ от прогрессивной шкалы налогообложения доходов россиян и переход к шкале пропорциональной.

С тех пор в отечественной науке не утихают оживленные дискуссии относительно причин и последствий становления новой, пропорциональной системы налогообложения. Вызывает недоумение тот факт, что случился этот переход от общемирового правила к исключению на фоне очевидной тенденции к ужесточению налогообложения состоятельных домохозяйств, обозначившейся в последние годы не только в социально ориентированной Европе, но даже в либеральной экономике США. К числу важнейших причин такой

трансформации системы подоходного налогообложения можно отнести желание финансовых органов сократить теневые «конвертные» заработки работников, а также успешнее реализовать принцип эффективности налогообложения: огромные затраты на построение прогрессивной налоговой системы не компенсировались нарастанием налоговых платежей в государственный бюджет. Несомненно, сыграла свою роль и мощная политическая поддержка данного закона со стороны наиболее состоятельной части электората и их представителей в Государственной Думе. Объяснялось это стремлением резко расширить располагаемый доход российской элиты и тем самым спровоцировать дополнительный всплеск ее сберегательной и, соответственно, инвестиционной активности. При этом в интересах наращивания совокупного предложения и неуклонного расширения налогооблагаемой базы преследовались цели укрепления стимулов к труду и предпринимательской деятельности, а также сокращения масштабов теневой экономики и оттока капитала за границу. А это через адекватный рост ВВП и количества дополнительных рабочих мест (а значит, и заработной платы) позволит, якобы, кардинальным образом разрешить проблему общественного благосостояния в целом.

Именно такова была логика проведенной в США в 1980-х гг. налоговой реформы в рамках «рейганомии». По рекомендации своего экономического советника А. Лаффера президент Р. Рейган провел тогда в несколько этапов коренную трансформацию личного подоходного налога, подняв его ставку до 15 % для социально уязвимых семей и сократив с 70 % всего до 33 % налоговый пресс на доходы наиболее состоятельных американцев. Спустя два десятилетия российские власти реализовали еще более радикальный вариант экономики предложения: повысив ставку личного подоходного налога для наименее состоятельных граждан с 12 до 13 %, они освободили богатей от необходимости платить налог по 35%-ной ставке, доведя ее до тех же 13 %. Однако кейнсианские критики такого подхода склонны расценивать отказ от прогрессивной шкалы как некоей азбуки социального государства всего лишь как доказательство неспособности органов финансового регулирования находить способы изъятия сверхдоходов (имеющих зачастую сугубо рентную природу) «новых русских», как проявление фиаско государства, которому ищется модное теоретическое оправдание. Так, выступая на Московском финансовом форуме-2018, мэр Москвы С.С. Собянин указал на то, что при введении «прогрессивки» «Россия будет сильно проигрывать в международной конкуренции за людей, работников и налогоплательщиков (а еще буквально: «разбегутся оставшиеся миллиардеры»)»¹. Правда, не вполне понятно, куда им бежать, ведь, например, в Великобритании сверхдоходы семей облагаются по ставкам, в 3–4 раза более высоким, чем действующие в нашей стране. «Аргументы, что прогрессивный налог заставит обеспеченных россиян уехать за границу, – резонно полагает Л.С. Ржаницына, – несостоятельны, поскольку в странах зарубежья очень высокие ставки налогов» [2]. Трудно принять и другой традиционный аргумент либеральных властей, что «богатые и состоятельные и так платят в виде НДФЛ намного больше того, что получают в виде пенсий и других социальных благ»¹. В мировой практике последнего столетия подобная «эквивалентность» (общественные блага взамен налогов) давным-давно попросту игнорируется, подчиняясь куда более значимому для хозяйственного прогресса принципу справедливости налогообложения в русле его концепции платежеспособности. К тому же, как замечает В.Г. Пансков, материальные обеспеченные налогоплательщики обладают, как правило, несравненно большей собственностью, нуждаются в ее усиленной защите, гарантиях неприкосновенности своего имущества, а потому должны вносить в пользу государства и большую долю доходов [3]. Поэтому ответ на вопрос, почему российские власти игнорируют этот фундаментальный принцип, намного проще. «Отказавшись от прогрессивной шкалы подоходного налога, налогов

¹ Финансовые условия и стимулы для повышения конкурентоспособности российской экономики (к итогам МФФ-2018) // Финансы. 2018. № 9. С. 9.

на наследство и дарение, государство, – утверждает С. Глазьев, – пошло на поводу у олигархов и коррупционеров, освободив их от налогового бремени легализации сверхдоходов, в том числе полученных незаконным путем» [4].

Общемировое назначение прогрессивной шкалы налогообложения физических лиц заключается в противодействии чрезмерному расслоению россиян по текущим доходам и накопленному богатству. Введение же плоской шкалы НДФЛ привело к тому, что соотношение доходов 10 % наиболее бедных россиян с доходами 10 % самых богатых возросло с 13,5 раз в 2001 г. до 16,6 раз в 2008 г. По итогам первого квартала 2018 года индекс концентрации доходов Джини составил 0,396. За прошедший год не изменились и коэффициент фондов (13,9 раз), и распределение объема денежных доходов по квинтильным группам: как и год назад, на долю 20 % наиболее обеспеченных граждан приходится 45,7 % денежных доходов, а 20 % наименее обеспеченного населения присваивают лишь 5,7 % общего объема доходов. Правда, показатели неравенства пока что остаются на уровне ниже того, что наблюдался до начала последнего спада экономической активности: в 2014 году индекс концентрации доходов Джини по итогам первого квартала составлял 0,401. Но за более длительный период 2000–2016 гг. данный показатель составил в среднем 0,413, что характеризуется экспертами как потенциально опасный уровень социального неравенства [5]. Такая поляризация лишает многих россиян возможности, как говорится, «выбиться в люди», то есть социального лифта.

Думается, что с позиций кейнсианской экономической теории российской экономике какой-либо весомой альтернативы скорейшему восстановлению здесь сдержанно-прогрессивной системы налогообложения физических лиц сегодня просто не существует. Трудно согласиться с мнением В.Г. Клинова и А.А. Сидорова, утверждающих о нецелесообразности снижения неравномерности в распределении доходов россиян за счет повышения налогооблагаемых доходов, что якобы отрицательно скажется на объеме и эффективности экономической деятельности [6]. В обстановке обозначившейся хозяйственной рецессии прогрессивная шкала вкупе с существенным увеличением необлагаемого минимума доходов, безусловно, способствовали бы восстановлению пошатнувшегося в последние годы спроса российских потребителей и его дальнейшему подержанию на необходимом уровне, в то время как действующая плоская шкала, напротив, губительно отражается на его покупательной активности и тем самым углубляет спад ВВП относительно его потенциально возможного уровня. По нашему мнению, сегодня, в условиях ожесточенной санкционной войны со стороны Запада Россия не может позволить себе ставку налога, по сути, освобождающую от налогового пресса своих наиболее обеспеченных граждан. К тому же мы убеждены, что подобное освобождение вовсе не создает видимых возможностей для реализации конкурентных преимуществ отечественной экономики. Наши аргументы состоят в следующем.

Во-первых, в сложившихся в конце второго десятилетия XXI в. специфических условиях позитивная динамика российского ВВП опирается вовсе не в дефицит сбережений населения, а, напротив, в его низкую покупательную активность. Многочисленные социологические опросы предпринимателей показывают, что ведущим фактором, отворачивающим их от реальных инвестиций, выступает как раз неспособность реализовать значительную часть своей продукции. Во-вторых, сбережения наиболее материально обеспеченных россиян имеют крайне невысокую корреляцию с внутрироссийскими инвестициями в реальный сектор, поскольку немалая их часть интенсивно вывозится за границу или, в крайнем случае, активно направляется на покупку престижных импортных товаров и услуг. Далеко не случайно в обстановке Великой депрессии Ф. Рузвельт в соответствии со взглядами Дж. Кейнса снизил налоги именно на бедные слои параллельно с переложением тяжести налогообложения на состоятельных американцев, повысив налог на сверхдоходы, введя налог на дивиденды, наследство и дарение, заменив пропорциональную ставку корпорационного налога тоже на прогрессивную. И хотя эти меры породили мощную антирузвельтовскую кампанию, их,

безусловно, благотворное влияние на потребительскую активность, а также восприятие обществом американского социально-экономического устройства как куда более справедливого сохранили его присутствие в Белом доме на очередных президентских выборах.

Таким образом, лишь целенаправленно формируя оптимальные количественные контуры шкалы НДФЛ по критерию максимизации суммарной покупательской способности россиян в отношении менее дорогостоящей продукции, производимой на нашей экономической территории, можно реально противодействовать усиливающейся сегодня угрозе предстоящего в связи с неотвратимо надвигающейся глобальной рецессией скатывания национальной экономики по нисходящей ветви конъюнктурного цикла. Известно, что в мировой практике прогрессивная шкала резко уменьшает потребительскую активность представителей бизнеса и, соответственно, побуждает его к дополнительным чистым инвестициям. Ведь только в этом случае появляется реальная возможность существенно сэкономить на суммарных налоговых платежах. В современной же России, напротив, действующий механизм подоходного налогообложения радикально дестимулирует инвестиции и приводит предпринимателей к логичному решению о перекачке все большей доли чистой прибыли на паразитическое порой потребление.

Однако закон о переходе от прогрессивной шкалы налогообложения физических лиц к пропорциональной относится к числу таких, которые легко принять, но крайне сложно изменить. Джинн, как говорится, уже выпущен из бутылки, и без политической воли высших руководителей страны вернуть его обратно крайне маловероятно. Как показывает анализ, общество, обсуждая данный вопрос, раскололось на две группы: с одной стороны, в российский парламент регулярно поступают предложения о переходе к прогрессии в налогообложении личных доходов, с другой – Правительство РФ с завидной регулярностью отвергает подобные инициативы. Так, предложение депутатов от «Справедливой России» еще в апреле 2007 г. относительно восстановления прогрессии при изъятии НДФЛ было безапелляционно раскритиковано и отклонено. В августе 2016 г. снова обсуждалось и было опять-таки заблокировано введение прогрессивной шкалы, в соответствии с которой с физических лиц, имеющих высокие доходы, взимался бы налог свыше 13 %. В качестве одного из вариантов обложения таких сверхдоходов предлагалась ставка в 20 %. В пояснительной записке к законопроекту отмечалось: «Сегодня десять процентов наиболее обеспеченных граждан России в 16 раз богаче десяти процентов наименее обеспеченных. Такой разрыв превышает максимально допустимые значения, рекомендованные ООН». Следует заметить, что в данной оценке дифференциации населения к тому же не учитываются скрытые доходы, доходы от незаконного предпринимательства, коррупционные доходы. Если же принять во внимание и эти факторы, то разрыв может достигать и 40 раз.

В 2017 г. законопроект о прогрессивной шкале НДФЛ был предложен сразу тремя политическими партиями: Коммунистической партией Российской Федерации, Либерально-демократической партией России и партией «Справедливой России». Предложения трех названных партий различались лишь в деталях – в ставках налогов и градации доходов. Однако Правительство РФ в очередной раз не поддержало данные инициативы, а Государственная дума в конечном счете отклонила поступившие законопроекты. Е.В. Балацкий обращает внимание на тот факт, что «Справедливая Россия» более 10 раз выносила свой проект на обсуждение в Госдуме с одинаковым отрицательным результатом [7]. В 2018 году, после запуска крайне непопулярной пенсионной реформы политическая ситуация в стране серьезно обострилась, и актуальный вопрос о прогрессивном подоходном налоге был поднят вновь. Законопроект «Справедливой России» предусматривал введение двухступенчатой системы налогообложения доходов физических лиц. Исходя из пояснительной записки, предлагалось ввести повышенную ставку в размере всего лишь 18 % для лиц, чьи доходы превышают 24 миллиона рублей в год. Однако Правительство РФ опять решительно выступило против предложенного законопроекта,

отметив следующее: «Стремление работодателей и работников минимизировать реально выплачиваемые доходы в целях снижения налоговой нагрузки, а также сложности администрирования налогообложения доходов граждан, в том числе работающих по совместительству, выявили неэффективность действующего с 1 января 1992 года по 31 декабря 2001 года порядка налогообложения доходов физических лиц и тем самым способствовали переходу к единой налоговой ставке. В настоящее время наблюдается стабильность собираемости данного налога». В поддержку правительственных оценок в либеральном научном сообществе отмечается, что подобные щадящие варианты налоговой реформы не представляют какого-либо макроэкономического интереса. Сообщается, что эффект от такой реформы будет просто неощутим в реальной жизни, а фискальный эффект (т. е. прирост доходов бюджета) составит менее 4 % от нынешней величины сборов НДФЛ. Учитывая существенные административные затраты, связанные с трансформацией налоговой системы, а также высокие транзакционные издержки налоговой системы в будущем, делается вывод о том, что такой вариант реформы в финансовом плане попросту не имеет смысла.

Между тем, по нашему убеждению, рассматривать трансформацию механизма подоходного налогообложения в сугубо финансовом ключе – это значит катастрофически сужать подлинное содержание этой теоретической и имеющей колоссальную практическую значимость проблемы. Больше или меньше получит российская бюджетная система в случае восстановления прогрессивной шкалы – крайне незначительный по своей важности вопрос сравнительно с вопросом о достижении тем самым куда большей стабильности функционирования национальной экономики. Именно в случае реставрации прогрессивной шкалы подоходного налогообложения произошло бы, наконец, смещение акцентов в фискальной политике от дискреционной ее разновидности во всем многообразии присущих ей негативных черт (включая коррупционную составляющую) к автоматической. Не секрет, что искоренение в России социально направленной шкалы помимо нарушения принципа справедливости налогообложения и усиления антагонизма в обществе, становящемся все более сословным, повлекло за собой разрушение наиболее известного в мировой практике хозяйствования встроенного стабилизатора экономики. В результате этого стали еще более благоприятными условия для перманентного воспроизводства известных дефектов политики тонкой настройки. И если в зарубежном механизме фискального регулирования прогрессивная шкала гарантирует куда меньшую безработицу в кризисной экономике и гораздо менее интенсивный инфляционный процесс в состоянии бума, то действующая в современной России плоская шкала, напротив, делает перепады хозяйственной конъюнктуры в нашей стране подобием «американских горок». Прогрессивная система существенно повышает эластичность налоговой системы страны, что позволяет национальной экономике резко сокращать амплитуду ее циклических колебаний и тем самым за счет своего стабильного функционирования устойчиво поддерживать ее экономическую и в целом национальную безопасность. И напротив, лидерство России по темпам экономического спада среди стран G20 в условиях последней общемировой рецессии в немалой степени объясняется именно тем обстоятельством, что только в ней одной в тот период существовала крайне неэластичная, связанная с плоской шкалой НДФЛ налоговая система.

В теории автоматической фискальной политики настойчиво отстаивается тезис о том, что сам размах циклических колебаний налоговых поступлений в государственный бюджет будет тем выше (свидетельствуя тем самым о высокой степени встроенной стабильности финансовой системы), чем более прогрессивным в стране является подоходный налог с населения. При вхождении национальной экономики в фазу циклического спада консолидированные доходы населения (зарплата, пенсия, дивиденды, процентный доход, детское пособие и т. п.) заметно сокращаются, что влечет за собой переход значительной части обедневших налогоплательщиков в другую категорию с более низкой, вплоть до нулевой,

налоговой ставкой [8]. Плохая новость для домохозяйств, состоящая в кризисном сокращении благосостояния, сочетается здесь с, безусловно, хорошей новостью, состоящей в необходимости перечисления в бюджетную систему заметно меньшей доли текущего дохода. Пропорция распределения сжимающегося национального дохода между государством и населением кардинальным образом изменяется в пользу последнего, порождая через его дополнительную покупательную способность серьезный эффект макроэкономической стабилизации. Ценой дополнительных финансовых потерь Минфина России и появления у него серьезного циклического бюджетного дефицита поддерживается «на плаву» частный спрос (потребительский и инвестиционный), что в немалой степени нейтрализует угрозу глубокого падения ВВП и появления массовой безработицы.

Если же, наоборот, экономика вступает в фазу подъема, то резкое увеличение консолидированных личных доходов (хорошая новость) сопровождается переходом большинства налогоплательщиков в другую категорию с повышенной налоговой ставкой (новость плохая), что, формируя в финансовой системе циклический бюджетный профицит, притормаживает рост ВВП во имя ограничения инфляционных процессов. Спрос со стороны частного сектора в фазе подъема, бесспорно, становится выше, однако прогрессивная шкала подоходного налогообложения и «перетягивание одеяла» в виде перераспределения все возрастающей доли национального дохода в казну не позволяют производителям в результате сдержанного повышения потребительского спроса со стороны домохозяйств взвинчивать цены и ввергать страну в ситуацию инфляционного перегрева.

Чем выше прогрессия в налогообложении физических лиц в той или иной стране, тем менее изменчивой оказывается динамика ВВП: главные трудности страны принимает на себя не население, а государственный бюджет, последовательно становящийся то дефицитным, то профицитным. Поэтому типичная для современного общества прогрессивная шкала личного подоходного налога выступает не только (и даже не столько) проявлением справедливости налоговой системы, фактором сокращения неравенства текущих доходов, некоей «социалистической блажью», как его трактуют либеральные оппоненты, сколько действенным регулятором национальной экономики. Тот факт, что располагаемый доход семей уменьшается в кризисный период заметно меньше личного дохода (а в фазе подъема личный доход растет существенно быстрее располагаемого) порождает через поочередное увеличение и, наоборот, снижение предельной склонности к потреблению мощный стабилизационный эффект.

Для эффективного использования налогов в качестве встроенного стабилизатора требуется тщательно продуманный дизайн этого ведущего регулятора национальной экономики. При этом особо важным является достижение высокой степени реакции налоговой системы на рыночную конъюнктуру. В соответствии с теорией эластичности налоговой системы средние ставки налога в условиях инфляционного бума должны быть настолько высоки, чтобы они могли быстро затормозить такой подъем. В условиях рецессии средний уровень ставок должен быть столь невелик, чтобы низкий налоговый гнет открывал компаниям возможность скорейшего обновления основного капитала, а домохозяйствам предоставлял шанс существенно не подорвать свою потребительскую активность. Важнейшими показателями степени встроенной стабильности национальной экономики являются относительные величины циклических бюджетных дефицитов и излишков, выполняющих на различных фазах делового цикла функции соответственно стимулирующих или сдерживающих амортизаторов колебаний совокупного спроса, которые в противном случае способны «войти в резонанс».

В этом плане представленный ниже проект ЛДПР (столь же решительно отклоненный властями), хоть и является самым радикальным и труднореализуемым, кажется куда более эффективным не только в социальном и финансовом отношении. По расчетам Е.В. Балацкого,

он может гарантировать в 10 раз больший социальный эффект в смысле сокращения социального неравенства, а также почти в 4 раза увеличивает сборы от личного подоходного налога сравнительно с проектом «Справедливой России». Но, главное, практическая реализация подобной налоговой новации способна надежно избавить отечественную экономику от крупных флуктуаций экономической активности, а значит, и от кризисов с их циклической безработицей, и от инфляционных перегревов на фазах подъема.

Таблица 1

Интервал годового дохода, ставка налога

Интервал годового дохода, руб.		Ставка налога
Нижняя граница	Верхняя граница	
0	180 000	0 %
180 001	2 400 000	13 % с суммы, превышающей 180 000 рублей
2 400 001	100 000 000	288,6 тыс. рублей + 30 % с суммы, превышающей 2 400 000 рублей
100 000 001	–	29568,6 тыс. рублей + 70 % с суммы, превышающей 100 000 000 рублей

Однако, несмотря на отклонение любых предложений по изменению системы подоходного налогообложения, следует отметить некоторую неоднозначность в позициях экономических властей и научного сообщества по данному вопросу. Так, например, В.В. Путин, на тот момент Председатель Правительства, выступая 6 апреля 2009 года перед Государственной думой РФ, уделил особое внимание дифференцированной ставке налогообложения: «Вроде бы, действительно, надо бы изменить ее (систему налогообложения). Но у нас уже была дифференцированная ставка. И что было? Все платили с минимальной заработной платы, а разницу получали в конвертах. Между тем, когда мы ввели плоскую шкалу, поступления по этому налогу за восемь лет возросли, прошу внимания, в 12 раз. В 12 раз! И сегодня эти доходы бюджета превышают сборы по НДС. Эффект абсолютно очевидный...».

Комментируя подобное поверхностное высказывание, нельзя не отметить, что действительно, сразу после реформирования системы налогообложения и перехода к единой 13-процентной ставке доходы федерального бюджета резко увеличились: в 2001 году поступления от НДФЛ выросли на 46 %, а в 2002 году – на 40 % при увеличении всех налоговых доходов на 37 % и 30 % соответственно [3]. Однако нельзя не отметить, что столь мощный фискальный эффект оказался связанным с целым комплексом других, куда более весомых (и не затронутых В.В. Путиным) факторов, а именно: с высокими темпами восстановительного роста, начавшегося в 1999 г., т. е. задолго до налоговой реформы, и резким скачком мировых цен на нефть, которые, конечно же, не могли не привести к существенному расширению налогооблагаемой базы; с отменой целого ряда ранее существовавших льгот по рассматриваемому налогу для сотен тысяч высокооплачиваемых представителей силовых структур; с введением регрессивной шкалы единого социального налога, которая уменьшила ту часть заработной платы, которая ранее выдавалась «в конвертах» и, естественно, подоходным налогом не облагалась; сокращением налога на прибыль, экономия по которому частично трансформировалась в облагаемую подоходным налогом заработную плату. Показательно в данной связи, что как только позитивное влияние постдефолтной девальвации рубля прекратилось, а нефтяные цены пошли вниз, так рост налоговых поступлений по НДФЛ резко затормозился, опровергая тем самым реализацию в России неустанно пестуемого российскими либералами Лафферова эффекта.

В 2013 году В.В. Путин, находясь на посту президента страны, не исключил возможность возвращения прогрессии НДФЛ: «может быть, и мы когда-нибудь будем внедрять какие-то элементы этой дифференцированной шкалы. Мы никогда не говорили, что на века ввели плоскую шкалу. Это тоже возможно». Министр финансов А. Силуанов отметил: «никто не исключает, что это (введение дифференцированной ставки) когда-то произойдет. Вопрос,

когда: в 2018 году, может быть, в 2020-м, в 2025-м?» Впрочем, сегодня уже для всех очевидно, что в 2020 г. этого не произойдет, как не произошло и в 2018 г.

Каковы же дополнительные причины настойчивого отказа фискальных властей от одного из самых действенных механизмов саморегулирования экономики и эффективного инструмента социальной политики?

Думается, что одной из них является сохраняющаяся и поныне чрезмерная дифференциация субъектов РФ по уровню дохода их жителей. «При подготовке к переходу к прогрессивному налогообложению доходов физических лиц – пишет Н.И. Малис, – надо учитывать вероятность роста выпадающих доходов для региональных бюджетов, состояние их доходной базы» [9]. Так, по данным Росстата, расхождение между регионами с самыми высокими и самыми низкими доходами – более чем четырехкратное, и в настоящее время наблюдается тенденция к дальнейшему увеличению этого разрыва. В данном случае во внимание должно быть принято бюджетное законодательство РФ, а именно – п. 2 ст. 56 Бюджетного кодекса РФ, в соответствии с которым в бюджеты субъектов РФ подлежат зачислению доходы от НДФЛ по нормативу 85 %². В таком случае становится очевидным, что бюджеты ряда регионов, где уровень доходов населения низкий, пострадают от введения более высокого необлагаемого минимума сильнее, чем те, где уровень доходов выше. Вследствие этого, по мнению авторов данного аргумента, увеличится и без того крайне существенный уровень подоходного расслоения российских регионов. Однако, думается, что интенсификация столь негативного эффекта могла бы быть успешно кардинальным улучшением качества общегосударственной региональной политики. В частности, следовало бы обратить более пристальное внимание на предоставление субсидий и субвенций из федерального бюджета в целях софинансирования и полного финансового обеспечения расходных обязательств субъектов Федерации в соответствии со ст. 132 и ст. 133 БК РФ соответственно, а также выдачу им дотаций, предоставляемых в соответствии со ст. 131 БК РФ в целях выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов РФ как одной из важнейших макроэкономических целей.

Так что субъективные причины от прогрессивной шкалы можно и сегодня объяснить, прежде всего, политическими интересами экономического блока правительства и давлением, оказываемым обогащающейся элитой российского общества, активно лоббирующей свои корыстные интересы. Нельзя не учитывать и влияние избирательных циклов на налоговую систему России. Доказано, что в первые годы политико-экономического цикла в антиинфляционных целях обычно происходит увеличение налоговой нагрузки на национальную экономику, а в заключительные годы в связи с приближением выборов и необходимостью популистскими мерами активно влиять на их результаты – ее снижение [10]. Таким образом, реализуемость налоговых реформ принципиально зависит от точки старта относительно начала электорального цикла.

Помимо политической элиты серьезную поддержку Правительству РФ оказывают те члены научно-экспертного сообщества, которые также выступают за плоскую шкалу налогообложения, обеспечивая экономический блок Правительства аргументами против активно предлагаемой оппозицией налоговой реформы. Например, следует обратить внимание на исследование Балацкого Е.В. и Екимовой Н.А., в котором авторы оценивают целесообразность введения прогрессивной шкалы налогообложения с помощью трехпараметрической модели [7]. В работе отмечается, что «результаты от внедрения прогрессивной шкалы являются гораздо более скромными, чем это обнаружилось в

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 06.06.2019) // Российская газета. №153–154. 12.08.1998.

аналитических записках политических партий. Например, дополнительный доход от реформы по версии КПРФ должен составить 1,15 трлн руб.», который, по оценкам авторов, оказался в 2,3 раза скромнее, хотя исходные данные для расчетов авторов и расчетов КПРФ практически полностью совпадали, следовательно, результаты сопоставимы без особых оговорок. Данный факт говорит о наличии серьезных методических изъянов в упрощенных макроэкономических расчетах аналитиков КПРФ. Оценки дополнительных доходов от проекта ЛДПР давали сумму в 2,05 трлн руб., что также вдвое превышает авторские оценки. Е.В. Балацкий и Н.А. Екимова делают вывод, что имеющиеся в России сценарии реформы подоходного налога спроектированы таким образом, что не ведут в краткосрочном периоде к серьезным фискальным и социальным выигрышам.

Основываясь на позициях членов научно-экспертного сообщества и представителей государственной власти, мы выделяем три основных условия, которые необходимы для успешной реализации налоговых реформ. Во-первых, наличие адекватной и оперативной информации о доходах всех граждан страны; во-вторых – разработка сбалансированного и рационального проекта реформы; в-третьих – становление в России правового государства и гражданского общества. Первое условие пока отсутствует, но в условиях стремительной цифровизации налогового учета есть основания рассчитывать на улучшение статистики доходов в самое ближайшее время. Соблюдение второго условия немыслимо без реализации третьего, а становление правового государства и гражданского общества, в котором снимается острота проблемы оппортунизма политических лидеров, может быть достигнуто посредством укрепления институтов гражданского общества при надлежащей поддержке законодательства. Названные условия в совокупности будут способствовать возвращению России к концепции платежеспособности, обеспечивающей подлинную справедливость подоходного налогообложения и достаточный уровень встроенной стабильности национальной экономики.

Получается, что в теоретической конструкции реформирования механизма подоходного налогообложения россиян заключены серьезные дефекты, состоящие, во-первых, в забвении принципиальной невозможности ускоренного роста национального продукта без соответствующего наращивания доходов десятков миллионов рядовых отечественных потребителей, которые и прежде являлись главными плательщиками налогов (особенно в части преобладающих в России налогов косвенных), а после 2001 г. превратились в еще более очевидных «дойных коров» системы налогообложения. Во-вторых, налоговые реформаторы либерального типа, отстаивающие ценности экономики предложения, предпочитают замалчивать реальный факт направления масштабных сбережений (в немалой степени спровоцированных принятием Налогового кодекса) состоятельных россиян вовсе не на цели обеспечения инвестиционного бума в нашей стране, а, скорее, на его перенос в другие страны, куда продолжают интенсивно утекать отечественные капиталы и высококачественную продукцию которых в последние годы все более интенсивно приобретает обогащающаяся на нефтегазодолларах, волонтаристском экспорте черных и цветных металлов российская олигархия. В-третьих, реализуемая по сей день концепция налогового реформирования настойчиво не желает учитывать то бесспорное обстоятельство, что на нынешнем этапе развития российской экономики (когда уровень полной и эффективной занятости еще заведомо не достигнут) ведущим инструментом обеспечения инвестиционного подъема выступают наращивание вовсе не сберегательной, а, напротив, потребительской активности населения и нейтрализация тем самым парадокса бережливости, уже не первый год сдерживающего динамику российского ВВП. В-четвертых, даже если бы максимизация склонности к сбережению была истинной целью налоговых преобразований, думается, что нарастить ее через плоскую шкалу подоходного налогообложения в современной России оказалось едва ли возможным. Дело в том, что в отличие от жителей США, где практически все сбережения обеспечиваются лицами с наиболее высокими доходами (а потому имеет какой-то смысл

именно их освобождать от прямых налогов), сбережения россиян распределены гораздо более равномерно. Сберегают здесь далеко не только богатые, из-за дефицита времени не успевающие потратить свои «кровные», но и бедные слои общества, испытывающие острую неуверенность в завтрашнем дне. В подобных российских реалиях реализация неоклассической концепции Лаффера ставится под сомнение. Возможно, всплеска сберегательной активности гораздо более экономных, нежели американцы, россиян можно было бы ожидать не при увеличении, а, напротив, при уменьшении налогов на относительно бедную часть нашего общества, что принципиально расходится с новой панацеей российских либеральных властей – курсом на мифическую экономику предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капканщиков С.Г., Грачева Ю.А. Логика смены моделей фискальной политики в ходе циклического развития национальной экономики // Проблемы современной экономики. – 2018. – №4 (68). – С. 42–46.
2. Ржаницына Л.С. Социальные расходы государства в проекте федерального бюджета России на 2018–2020 гг. // Проблемы прогнозирования. – 2018. – №3. – С. 7–12.
3. Пансков, В.Г. Прогрессивная или пропорциональная шкала налогообложения: что справедливее и эффективнее? / В.Г. Пансков // Экономика, Налоги, Право. – 2017. – № 2. – С. 105–112.
4. Глазьев С. Почему Путин? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – №2. – С. 31–37.
5. Семенова Н.Н. Совершенствование налогообложения доходов физических лиц в России в контексте формирования социально-ориентированной налоговой политики // Финансы и кредит. – 2018. – т.24. – С. 129–152.
6. Клинов В.Г., Сидоров А.А. Мировые тенденции в распределении доходов и проблемы социально-экономического развития // Вопросы экономики. – 2018. – №7. – С. 30–44.
7. Balatsky E.V., Ekimova N.A. Evaluating Scenarios of a Personal Income Tax Reform in Russia // «Journal of Tax Reform». – 2019. – vol.5, no.1. – Pp. 6–22.
8. Капканщиков С.Г., Грачева Ю.А. Ручное и автоматическое управление в механизме реализации российской бюджетно-налоговой политики // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – №3. – С. 17–22.
9. Малис Н.И. Перенастройка налоговой системы: на что рассчитывать государству и налогоплательщикам? (Последствия для государства и налогоплательщиков) // Финансы. – 2019. – №3. – С. 41–46.
10. Mayburov I.A., Kireenko A.P. Tax reforms and elections in modern Russia // Journal of Tax Reform. – 2018. – vol. 4, no. 1. – Pp. 73–94.

Kapkanshchikov Sergey Gennadievich

Ulyanovsk state university, Ulyanovsk, Russia
E-mail: kapkansv@mail.ru

Gracheva Yulya Aleksandrovna

Ulyanovsk state university, Ulyanovsk, Russia
LLC TK "Rusta-Broker"
Branch in Ulyanovsk, Ulyanovsk, Russia
Customs clearance manager
E-mail: u_a_gracheva@ulsu.ru

Supply economics versus built-in stabilizers of the Russian economy

Abstract. This research was conducted due to the need to end the prolonged stagnation of the Russian economy, which has started essentially a decade ago. This article argues that transition from Keynesian demand economics to a neoclassical supply-focused model of fiscal stimulation of the Russian economy that is favored by today's policy makers is unwarranted. In relation to that, authors aim at justifying that the government's policy of drastically freeing up the wealthiest individuals from higher taxation rates based on today's Tax Code of Russia is flawed. Authors emphasize the importance of stimulating consumption rather than saving in the current recessionary environment and stipulate that the successfully accomplished transition from progressive to proportionate taxation in the beginning of the 2000s not only deepened the wealth disparity but also eliminated one of the most effective built-in stabilizers of the Russian economy. The article describes a comparative analysis of policy measures proposed by various political parties in order to reestablish the progressive individual income taxation and outlines the authors' approach to identifying the optimal one using the theory of supply elasticity. The article concludes by substantiating the need to radically change the direction of the tax regulation of the Russian economy from "Reaganomics" with its barely applicable in Russia Laffer effect to the alternative neokeynesian course utilizing the built-in stabilizers as part of the automatic fiscal policy.

Keywords: demand economics; supply economics; keynesian and neoclassical models of fiscal policy; tax rate; proportionate and progressive tax rates; fairness of taxation; solvency; built-in stabilizers; tax elasticity; Laffer effect